
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ

КРАСИВАЯ МЕЧА, КРАСИВОМЕЧЬЕ...

*Когда ты заглянешь в прозрачные воды затона
Под бледною ивой,
при свете вечерней звезды,
Невнятный намек на призыв
колокольного звона
К тебе донесется из замка хрустальной воды.*

Константин Бальмонт

На днях, а пишутся эти строки в середине октября месяца, как всегда по четвергам, зашел после работы в киоск «Роспечати» на проспекте Ленина, напротив здания ОблУВД, купил свежую «Литературку» и по пути до своего дома присел на лавку в Толстовском скверике, начерно просмотрел газету. Сразу обратил внимание: в Туле издана книга-альбом «Красивомечье».* Порадовался за автора-составителя Валерия Ксенофонтова — члена редколлегии наших «Приокских зорь» и издательство «Неография» — тоже учредителя журнала. Наутро зашел на работу к Валерию Ивановичу, а уже на следующий день рассматривал это великолепное издание.

...И хотя статус главного редактора «Приокских зорь» (сейчас это называется поллиткорректностью) вроде как «не рекомендует» самому писать рецензии-отзывы для окормляемого журнала, но — не удержался. Слишком явственные воспоминания всплыли при перелистывании страниц альбома, прежде всего при виде фотографий берегов-крутояров Красивой Мечи. Где же довелось лет тридцать назад видеть похожее? — А именно столь характерные только для Южной России, де-факто начинающейся уже за Воловым и Куркиным, выступающие на берегах рек слоеные каменные плиты, чем-то в масштабном уменьшении напоминающие каньоны Северной Америки и Африки, на переходах от пустынь к саванне.

А видеть довелось в инженерную свою молодость чуть севернее Красивомечья, в Куркинском районе, на берегах не менее славной реки Непрядва. Привычный тогда «колхоз для инженеров» в летнее время воспринимался как второй, дополнительный отпуск. Особенно для молодых телом и душой. И само-то пропальывание-«тяпание» свеклы воспринималось как игра.

...И вот она родная свекольная грядка длиной в километр, полого опускается к Непрядве, а за невероятно синей, почти ультрамариновой полоской далекой реки, далеко внизу под тобой, в полуденном мареве жаркого июля расплывчато дрожит над ровностью Куликова поля знаменитая башня-памятник.

А после прополки, ближе к вечеру, купанье в Непрядве, как и Красивая мечта, такой же извилистой, с выщербленными каменистыми вкраплениями крутых берегов.

* Красивомечье. Альбом фотографий и репродукций / Сост. В. И. Ксенофонтов.— Тула: Неография, 2009.— 144 с.

Извиняемся за столь пространное «личностное» вступление, но это само всплыло в памяти даже при виде только обложки «Красивомечья». А в предисловии к альбому его составитель Валерий Ксенофонтов так кратко и емко характеризует отличительность этих мест, сердцевиной которых и является вроде бы малый приток Дона: *«На сотни километров вокруг не найти ничего похожего в ландшафтах Среднерусской равнины. Это уникальный, неповторимый уголок родной земли. Сказочные, милые сердцу пейзажи вряд ли кого могут оставить равнодушными. Человеку, лишь однажды увидевшему Красивомечье во всем его великолепии летнего солнечного дня, долго снятся цветочные сны».*

И, добавим мы, это место, еще не изуродованное аляповатыми замками нуворисей и загородными ресторациями с «номерами для отдыха». Хотя уже и сюда подбираются... Именно здесь на спасительное время забываешь о разорении России. И люди здесь вокруг русские. Не прегрешим особо против новомодной политкорректности и чуть взгрустнем, покидая эти места с мыслью: «Как жаль, если лет через тридцать здесь все перепашут трудолюбивые китайцы и иные западно-восточные поселенцы на обезлюдивших землях...» Оно к тому, увы, и идет. Но вернемся к альбому фотографий и репродукций.

В отзывах на чисто художественные книги о их полиграфических достоинствах принято как-то вскользь, в самом конце упоминать: да, дескать, хорошо и опрятно издана. — Словно стыдясь, что сумели представить книгу «по одежке». Ох, эта вечная и неизбывная русская скромность и стыдливость! Столичные и губернские власти по поводу и без повода тиражируют образцово показательные книжные официозы пудового веса с рельефно-золотыми тиснениями, а авторы и рецензенты других изданий должны почти извиняться: хватили лишку, роскошная книга вышла...

Но это даже в малейшей степени не должно относиться к альбомам, ибо они *по определению* суть симбиоз авторского и полиграфического искусства. Таковым в высшей степени похвалы является и «Красивомечье» — совместное произведение составителя, авторитетных консультантов, художников Алексея Мальцева и Анатолия Скалина и четырнадцати фотохудожников: Елены Асташовой, Олега Беспрозванных, Владимира Дворецкого и других. Очень к месту помещены среди фотографий и репродукций поэтические строки Фета, Бальмонта, Бунина, Есенина, Белого, Макшанова, Мережковского и составителя альбома Валерия Ксенофонтова. И, конечно, певца этих мест Ивана Тургенева: *«Там у нас, на Красивой-то на Мечи, взойдешь ты на холм, взойдешь — и, Господи боже мой, что это? а?... И река-то, и луга, и лес; а там церковь, а там опять пошли луга. Далече видно, далече».*

Ему вторит на страницах книги Н. Павлов («Ятаган»):

«...Река красивая, река живописная, очаровательная Мечь!.. В иную минуту ее небо примешь за небо Швейцарии!.. Далече от берегов за лесами, за курганами открывается обширный горизонт: деревни, поля. Рожи. Картина более игривая, более суетная. — На ней жизнь, труды, пот человека, и чтоб эта жизнь, эти труды не показались горькими, на нее должно любоваться не осенью, а при блистательном солнце лета, в летний полдень, в летнее утро...»

Действительно, наша Средняя Россия имеет в годичном цикле два лица: с поздней весны до ранней осени — для утонченного, изысканного любования, а в промежутке — для достаточно сурового проживания. Здесь невольно вспоминается из Андрея Платонова, что русское овражное поле в половине девятого ноябрьского утра есть явление апокалипсическое (пишу по памяти, потому и не закавычиваю). Но на Красивой Мечи и межсезонья несут печать особой красоты. Поэтому так замечательно смотрятся в альбоме виды ранней сены: проталины с робко пробивающейся через снега размороженной водой, вешние воды и «разливы рек, подобные морям...», о которых так замечательно писал Афанасий Афанасьевич Фет:

*А там, по нивам на просторе,
Река раскинулась, как море,
Стального зеркала светлей,
И речка к ней на середину
За льдиной выпускает льдину,
Как будто стаи лебедей...*

Но все же лето и только лето, жаркие, маревые в этих местах июнь и июль, умиротворенный теплый, ласковый, отдыхающий август, а перед ними пробуждающий природу май,— время очарования в Красивомечье. Поэтому в альбоме и заголовки глав-иллюстраций: «О весна, без конца и без края...», «Мелодии диких трав и соцветий», «Вода благоволила литься...», «Средь высоких холмов и задумчивых роц», «Золотая Меча».

...Общеизвестно, что писать о музыке и изобразительном искусстве куда как труднее и сложнее, нежели анализировать романы и повести с их сюжетно-фабульной законченностью, произведения поэзии с четко выверенной ритмичностью и рифмосложением. А вот слушая музыку или любясь произведениями живописи, скульптуры, художественной фотографии, в определенном смысле и архитектуры, мы почти полностью «отключали» оценочную логику мышления, то есть первооснову любого анализа. Человек воспринимает эти искусства, что называется, душой и сердцем. Поэтому истинные объективные критики столько редки. В полной мере в России ими были разве что Стасов и академик Асафьев. Еще немец Рихард Вагнер. Даже Чернышевский с его знаменитой диссертацией всего лишь «переводил» для русского читателя Гегеля и нарождающуюся на западе философию позитивизма. Не говоря уже о давно укрепившемся там протестантско-торговом утилитаризме...

Сами же музыканты и художники всех родов — от становой живописи до мастеров фотосъемки — в силу своей увлеченности архаикой словесного описания своих и чужих творений.

Потому-то у нас с пролеткультовских времен и правят бал в оценке музыки и художеств сонмы стрекочущих профессиональных музыка- и иных «ведов».

...Это мы все к тому говорим, что музыку все же надо самому слушать, а живопись и художественную фотографию проникновенно смотреть: не раз и не два желательно.

Наконец, само появление альбома «Красивомечье» есть добрый знак для наших провинциальных палестин. Тем более столь «неприличным» для лимитрофных времен тиражом: целых две тысячи экземпляров...

С чем и поздравляем коллектив авторов и издательство «Неография».

Алексей Яшин (г. Тула)

«САМОЦВЕТОВЫЙ ВЕНЕЦ» ЛЮДМИЛЫ ГАЙДУКОВОЙ

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» вышел в свет новый поэтический сборник Людмилы Гайдуковой, молодой талантливой поэтессы из города Алексина, «Самоцветовый венец».

Людмила Гайдукова связана с литературным творчеством не так давно, однако, она уже зарекомендовала себя как самобытный и серьезный автор, которому в своих произведениях удается органично сочетать философский взгляд на мир и женский утонченный лиризм.

Л. Гайдукова окончила Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, по образованию историк. Именно история и краеведение стали стимулом для научной и литературной деятельности. Людмила — автор статей по

истории города Алексина, его литературному прошлому и настоящему. В последнее время активно занимается этнографическими исследованиями, изучает историю вятчей, живших на территории Алексинского района.

В литературном творчестве Людмила реализует свой творческий потенциал через поэзию и прозу. Ее стихотворения и рассказы не раз публиковались на страницах тульской и алексинской периодической печати, а также в коллективных сборниках и альманахах Рязани, Москвы, Харькова. В 2007 году в серии «Коллекция альманаха «Прикосновение» XXI век» вышел в свет поэтический сборник Л. Гайдуковой «Алтари памяти». Презентация книги успешно прошла в литературной гостиной Дома-музея В. В. Вересаева. Год спустя, в 2008 году был опубликован сборник рассказов «За серебряной звездой».

Творчество Людмилы притягательно и разнообразно. Лирические стихотворения вобрали в себя голоса дороги, отражения прошлого и мечту о счастье. Философские эссе и миниатюры явственно возвращают современников в мир наших предков. Рассказы в стиле фэнтези загадочны и многомерны. Все это — творческие находки автора, попытка осознать предназначение человека, постичь тайны души и сердца.

Поэтический сборник «Самоцветовый венец», несомненно, новый этап стихотворного творчества Людмилы Гайдуковой. В нем автор остается верен выбранным ранее темам, однако, произведения приобретают большую выразительность и емкость. Это достигается благодаря точным, выразительным образам, тщательной работе автора над словом. Основой сборника стали стихотворения-размышления: о выбранном жизненном пути, поиске любви и взаимопонимания, о постоянном движении вперед. В сочетании с мягкой пейзажной лирикой и яркими этническими мотивами, это придает сборнику Людмилы Гайдуковой особую пронзительность и своеобразие. Завершающий сборник цикл стихотворений «Мой древний враг» можно отнести к экспериментальным поэтическим формам, что еще раз говорит о поисках автора новых возможностей для творческой самореализации.

Уверена, что сборник Людмилы Гайдуковой «Самоцветовый венец», рассчитанный на вдумчивую, серьезную аудиторию, обязательно найдет своего читателя.

Виктория Ткач (г. Тула)

Леонид Ханбеков

(г. Москва)

ВОСПОМИНАНИЯ О СОВЕТСКОЙ ГИПЕРБОРЕЕ

В своей книге о творчестве Алексея Яшина* я начал первую главу следующим абзацем: «Мне кажется, с каждым из нас, в детстве, в ранней юности, случается событие,

* Ханбеков Л. В. Тульский энциклопедист. Штрихи к творческому портрету Алексея Яшина. — М.: «Московский Парнас», 2008. — 90 с., илл. (Серия «Созвездие России»); то же самое см. в книге: Ханбеков Л. В. Собр. соч. в 4-х тт. Т. 4. — М.: «Московский Парнас», 2009.

которое определяет всю последующую жизнь. Только мы, бывает, не отдаемся ему сразу с полным доверием, как материнской или отцовской руке. Или не находится рядом человека, который «расшифровал» это событие, как пророческий знак судьбы. Судьба-то, она непременно потом, через годы, выведет на ту, указанную дорогу...»

И — добавлю уже сейчас — если раннее детство это прошло в совершенно неординарной среде, а какой? — Читатель поймет это с первых страниц новой повести* известного русского писателя-прозаика из Тулы. И так, это уже четвертая книга с главным героем Николаем Андреяновичем, литературным *alter ego* автора. Да он этого и не скрывает — хотя бы фактом представления первых трех книг на Бунинскую премию 2008-го года, что была объявлена в номинации автобиографических произведений. Дальше «шорта» Алексей Яшин тогда не пошел; литературные премии дело тонкое; все, как сказал Белов в названии своего романа, впереди. Тем более, что по представлению «Московского Парнаса» за эти и некоторые другие свои книги Яшин стал лауреатом премий им. Александра Фадеева и им. Валентина Пикуля. Символично, что последний провел свое военное детство в тех же местах, что и герой яшинской уже тетралогии, а отец писателя, моряк-североморец Афанасий Яшин, в годы войны был знаком с юнгой Северного флота Валей Пикулем (см. «Тяжело дышит синий норд»). До чего же тесен наш такой большой мир!

Но вернемся от любопытных литературных реминисценций к новой книге Алексея Яшина. Все мы, учившиеся в советской школе (про нынешнюю умолчу...), помним традицию русской беллетристики: создание автобиографических книг в триединстве детство-отрочество-юность. Лев Толстой и Горький, Гладков и Чаплыгин, Каверин и Гарин-Михайловский... И даже кто таких трилогий не писал, почти обязательно обращался к теме творческого взросления — в смысле понятийного, активного восприятия развертывающегося перед ребенком, отроком и юношей мира. Здесь достаточно назвать гениального «Подростка» Достоевского. А прекрасные сказки о детях Пришвина и Мамина-Сибиряка? Из новой эпохи, конечно, Аркадий Гайдар (не будь к ночи помянут его внушек...).

В эту традицию вносит свою лепту и Алексей Яшин, в определенном смысле бытописатель мурманского, флотского североморского Заполярья 50—60-х годов.

Итак, лето пятьдесят четвертого года — с незаходящим в тех широтах солнцем; на три-четыре месяца Страна холода сбрасывает с себя покров снега, рассеиваются плотные и вязкие, как кисель, вечные туманы, не штормит незамерзающее море. Все-го год, как Николка вышел из затянувшегося младенчества; в тех местах детей не торопят во взрослую жизнь, жалеют, дескать, будут тебе еще труды и заботы, радуйся пока, малец, малым радостям уютного домашнего мирка. Вот исполнится тебе семь лет — и в Полярный тебя отвезут, в школу и интернат, на целых девять месяцев. А на каникулы? — Это если море долгосрочно не заштормит, и попутный военный катер сумеет пришвартоваться к скалистому пирсу-камню островка Седловатого. Так закончится и у Николки беззаботное детство в Гипербореях.

Все это читатель найдет в повести. Понятно, это лишь антураж, хотя и сразу привлекающий, занимающий воображение читающего «Страну холода». Но ведь это не этнографическое описание бывших «медвежьих углов», а достаточно продуманное, через свою душу пропущенное повествование о становлении человека, хотя ростом и разумом еще человечка. Не нужно апеллировать ко всяким ученым-переученным психологам и педагогам; мол, сами с усами, и знали по своему личному опыту жизни: все в человеке — хорошее и плохое, творческое и обыденное — раз и навсегда закладывается в пять-шесть лет. А вся последующая жизнь как бы наслаивается на

* Яшин А. А. Страна холода (Детство в Гипербореях): Повесть / Предисл. Л. В. Ханбекова: Петровская академия наук и искусств. Независимое литературное агентство «Московский Парнас». — М.: «Московский Парнас», 2009.— 351 с., илл. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

эту детскую основу. И если еще ребенком осознал себя как творчески мыслящую, вдумчиво наблюдающую натуру, то во взрослении тебя не оглушит даже современное, зомбирующее телевидение. «Яка така закавыка», как говорил вахмистр из «Парохода «Саратов» Бунина, а «закавыка» в том, что, увы, только восемь процентов людей могут самостоятельно мыслить, то есть мыслить творчески, а не по указке телеведущего. Я всегда об этом догадывался, но точную и аргументированную пропорцию эту мне сообщил в своих письмах Алексей Яшин; область его профессиональных научных интересов как раз ноогенез (ноо — разум, генез — развитие; греч.). Доверять известному ученому можно.

...Но как приходит к мальчугану этот зоркий взгляд на обыденное, казалось бы, вещи: дом, родители, семья, скалистый островок, его обитатели, все перипетии взаимоотношений в этом, почти изолированном мирке? — Конечно, многое дают гены, но не все. Значительна роль и тех условий, в которые поставлен этот человек: от характеров и взаимоотношений родителей до климата места проживания. Удалось ли автору раскрыть этот процесс душевного, мыслительного взросления только-только вступившего в сознательную жизнь человека? — Об этом судить читателю.

Отметим весьма существенное. В гениальном «Подростке» Достоевского прослеживается одна мысль, являющаяся лейтмотивом книги: вся взрослая жизнь человека, особенно творческого, есть развитие вширь (синтез) и вглубь (анализ) всех тех наблюдений-впечатлений, что заронила в душу ребенка среда его проживания и воспитания. Наш автор — прямое подтверждение этого философско-художественного утверждения Федора Михайловича. Действительно, кто прочитал две-три книги Алексея Яшина, а сейчас знакомится с этой повестью, сразу — и невольно — отметит про себя: а ведь вся мотивация поступков, действий, мыслей героев «взрослых» книг писателя являются развитием детских впечатлений Николки! А как может быть иначе, если и ребенок Николка, и мудрствующий (нелукаво) Николай Андреевич, и автор книг о них — одно и то же лицо, один и тот же ум и характер в динамике их развития и художественного отображения?..

И еще одна *nota bene*: как всегда неординарен, оригинален автор в художественном оформлении книги — об этом я писал в «Энциклопедисте»; де-факто Алексей Яшин возродил традицию русского литературного лубка. На сей раз он иллюстрировал повесть рисунками замечательного художника-этнографа XIX века Н. Н. Каразина — рисунками тех мест, где прошло детство и отрочество персонифицированного героя книги.

Примечание от автора «Страны холода». Как, несомненно, обратит внимание читатель, книга иллюстрирована одним из самых замечательных художников XIX века, работавших в этом жанре. Приведем его краткую творческую биографию из «Энциклопедического словаря Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона»: «Николай Николаевич Каразин (1842—1908 гг.), художник-этнограф, иллюстратор и писатель, один из учредителей «Общества русских акварелистов». Сюжеты иллюстраций Каразина — типы и сцены из среднеазиатской жизни*, военные сцены и пр. Романы и повести: «Двуногий волк», «В камышах», «На далеких окраинах» и др.»

Воспроизводимые ниже иллюстрации Н. Н. Каразина взяты нами из книги «Страна холода» (издана в 1877 году); также приведем из словаря Брокгауза — Ефрона биографическую справку об авторе этой замечательной книги: «Василий Иванович Немирович-Днченко (1848—1936), писатель. Увлекательно написаны путевые очерки: «Соловки», «Кама и Урал», «Очерки Испании», «Год войны» (собрание кор-

* «Ориенталистские» иллюстрации Н. Н. Каразина были использованы в наших книгах: «Без руля и ветрил» (М.: «Московский Парнас», 2009) и других.

респондений с театра войны 1877—78). Романы: «Плевна и Шипка», «Цари биржи» (1886), «Кулисы» (1886) и многие другие. Сборник рассказов: «Незаметные герои» (1889), «Семья богатырей», «Святочные рассказы» (1890).

Полагаем, что приведенное выше напоминание не лишне, ибо сегодняшний читатель вряд ли что слышал о Каразине, а фамилию Немирович-Данченко ассоциирует исключительно с братом писателя — драматургом и совместным со Станиславским основателем и соруководителем МХАТа Владимиром Ивановичем (1858—1943). А вот в последней трети XIX — начале XX вв. их имена, как иллюстратора книг и писателя — причем оба выраженные этнографы — были известны всем читающим в России; как говорится, от семинаристов и гимназистов до царевых министров. Являясь корреспондентами ведущих русских журналов и газет, Немирович-Данченко и Каразин «из первых рук» знакомили Россию с событиями почти всех балканских и среднеазиатских войн Империи названного периода отечественной истории.

...Купив в 1969 г. в тульской «Буккниге» (на этом месте сейчас площадь Ленина перед зданием администрации), удивительно богатой в те годы на книжные раритеты, книгу Немировича-Данченко с иллюстрациями Каразина, прочитал в один присест — и не удивительно: минуло всего три года, как наша семья уехала из Заполярья, а именно этим местам и посвящена «Страна холода». И пусть в год издания книги еще не были основаны города Николаев-на-Мурмане и Александровск (ныне Мурманск, где я родился, и столица Северного флота Полярный, где я жил), но все в книге было предельно хорошо узнаваемо. И хотя герой уже нашей книги, шестилетний Николка, с радостным изумлением постигает открывшийся ему после беспмятных лет младенчества мир людей и предметов в самое теплое летнее время, но и он уже постоянно держит в уме, что живет в Стране холода, где, по присказке, девять месяцев зима, остальное лето. Поэтому-то и названа — в продолжение литературных традиций — наша книга тоже «Страна холода». Главное — рос Николка в то прекрасное время, когда холод физический, атмосферный многократно перевешивался теплом добрых, хотя внешне и грубоватых, людей советской, русской Гипербореи.

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ ГЕННАДИЯ МИРА «ОТРАЖЕНИЯ. СОЛНЦЕ. ПОЭМЫ»

«Набор тщательно выверенных и ладно соединенных слов. Игра словами. Но сие — не цель поэзии. Может быть, одно из средств», — так думал я, начиная читать поэму об ушедших друзьях «Отражения» Геннадия Мира. Но, чем дальше продвигался в чтении, тем больше встречалось истинно поэтического. Терпение вознаграждалось. Все больше появлялось восклицательных знаков — действительных, а не от скепсиса или иронии.

Да здравствует Жизнь!
Чтобы в ней не слышали,
Что где-нибудь
кто-то
кормился
стихами!

Вот это здорово. Мне такое близко.

Сталкиваются афоризмы: «Свободные не ведают темницы» и «Так смертный враг кокетству жизни праздной — семейной скуки вопль однообразный». Попшкински: мысль, образ, музыка.

Четвертый рассказ потрясает искренностью, интимностью, драматизмом переживаний, знакомых если не каждому, то многим и многим. Вспоминаются вершины: «Облако в штанах», «Про это».

Рассказ пятый: Жить. Пошли одни восклицательные знаки. (Действительные!)

*Не умирай, пока живешь!
Когда ты от борьбы устанешь
И, обессиленный, не встанешь,
Не умирай, пока живешь!*

Страшный образ фальшивого друга, презренного Яго доверчивых душ, мистически сверкает в рассказе:

*Ты пришел?
И уйди!
Без души не понять.
Совесть нужно свою —
и одну,
словно мать,
И не прятать прозрачно,
как сахар в воде.
Наскрести ли в суде,
коль прорехи —
в стыде?
Ужас. Мрак.*

Но вот рассказ шестой: Весна. Можно, оказывается, жить без любви, без друга. Так утверждает автор. А что же ту весну породило? Ну, что порождает весну... Она неизбежно рано или поздно приходит сама по себе. Естественный ход природы.

Хочется светлого финала. Ну, не финала, так хотя бы какого-то философского вывода.

«Облако в штанах» оборачивалось в 1915 году чудовищным бунтом, призывом крепить у мира на горле пролетариата пальцы. Три ГОДА СПУСТЯ ДРУГОЙ ВЕЛИКИЙ ПОЭТ ДАЛ слово героям: «Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем».

Геннадий Мир в другое время по-своему выстрадал свое. И лирическому герою вместо пальцев на горле и мировых пожаров в крови дает Весну в награду. Вместо отчаяния бунтаря, доставшего из-за голенища сапожный ножик и рвавшегося с ним на Господа Бога за то, что Тот не замечает человеческих страданий. Кто-то все-таки понял: ничего путного из океана злобы не выловишь. Г. Мир оказывается мудрее Маяковского. И хоть не осмелится наш стихотворец сказать агитатору-горлану-главарю: «Мы стоим почти что рядом» — но чувства добрые смельчак пробуждает. И это есть хорошо. Во всяком случае лучше, чем пробуждать злобу.

А что касается времени... Пройдя через его горы и пропасти (если сумеют!), наши уважаемые товарищи потомки, может быть, увидят, окажется ли век двадцать первый мудрее двадцатого:

Итак, дочитал. И не только не жаль потраченного времени, но чувствую себя обогащенным.

Сергей Норильский (г. Тула)

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ СТИХОВ ГЕННАДИЯ МИРА «СИМФОНИЯ ДОЖДЯ» (2009 г.)

Наполненные философским смыслом и своей особой мудростью стихи Г. Мира заставляют вчитываться в них, а по прочтении снова к ним возвращаться. Они поразили, как потом выяснилось, не только меня своим благородством и возвышенностью. Как известно, его поэма «Начало» стала победителем телевизионного поэтического конкурса в 1978 году, и для ее прочтения автору было предоставлено эфирное время на центральном телевидении. Стихи и песни он включает и в свои драматические произведения: «Вокзал во вселенной», «Прохожий» и другие. В настоящее время им самим и другими авторами на его стихи написаны и исполняются песни.

Татьяна. Абинякина (г. Щекино)

ЧИТАЯ КНИГУ ИРИНЫ КЕДРОВОЙ «ПОСЛАННИК, ДУША И ВЕДЬМА»*

Новая книга прозаика Ирины Кедровой «Посланник, душа и ведьма» рисует перед нами мир. Мир, в котором органично сочетаются современная жизнь, древнерусские обычаи, предания, колдовство и мистика. Природные стихии и жизнь одного из посланников Божьих на земле, превращение женщины в ведьму и переплетение кругов жизни: все это сплетается в трех произведениях. Хотя каждое из них не похоже на остальные, есть один общий мотив, неразрывной нитью проходящий через все произведения: любовь. Любовь к близким и к родным людям, ощущение себя частью целого, стремление помочь и утешить.

Книга состоит из трех произведений: «Сын человеческий идет по предназначению», «Ульяница и мир людской», «Все мы немножко ведьмы». Я думаю, последняя повесть под таким импонирующим названием особенно заинтересует женщин. Чего греха таить, я сама начала читать книгу именно с нее.

Во всех произведениях главные героини — женщины. Они прекрасны не только физически, но и духовно. Хочу избежать штампа в сочетании «непростая судьба» и не могу. Жизнь каждой героини полна драматизма и тяжелых испытаний.

Но женщине всегда труднее и сложнее, поскольку она несет ответственность не только за себя, но и за дом, семью, а главное — за детей. Автор дал героиням имена, которые подспудно в христианском мире несли смысловую нагрузку. Мария, Анна, Наталья.

Мария молоденькой девушкой теряет своего возлюбленного и через всю жизнь пронесет в сердце память и нежность к Владимиру: «...Память не унимается и достает из тайников светлый образ Владимира; тепло его рук, синеву глаз-озер, легкое касание губ. Стоит Мария в храме, и светлые мысли о прожитой жизни, трудной и счастливой, окружают ее».

Любовью наполнена вся книга — любовью к людям. К их слабостям и порокам; любовью к земле русской и к христианским ценностям. Автор, описывая жизнь героев, сопереживает их страданиям, тонко понимает женскую психологию.

В повести «Ульяница и мир людской» перед нами встает образ главной героини — Натали. Трудно ей, замученной повседневным бытом, эгоизмом дочерей и не-

пониманием (как это нам частенько кажется после долгих совместных лет) ее переживаний мужем. Мучает ее «жалость к себе, тихо стареющей, забытой друзьями, погоняемой мужем и свекровью, терзаемой равнодушием дочерей...».

И когда Натали приходит к выводу, что впереди ничего нового не ждет, в ее мир врывается любовь. Перед нами раскрываются взаимоотношения двух женщин — простой смертной и речной дивы Ульяницы. Все произведение наполнено эротизмом. Эротика всегда трудна в работе писателя. Здесь надо обладать внутренней культурой и чувством такта. Но Ирина Кедрова достойно справилась с поставленной задачей, раскрыв нам тему любви без пошлости и вульгаризации текста.

«...за спиной стоит, скорее, парит в воздухе, обнаженная женщина с длинными чуть зеленоватыми волосами. Ее голубые глаза смотрят на Натали одновременно преданно и настойчиво. В них мольба о любви... тело подчиняется рукам — теплым и даже горячим. Шея, грудь, живот — Натали вся в поцелуях Ульяницы...».

Автор интересно описывает речной мир ундин, где в достоверные «чуткие» описания природы вкрадывается фантастический мир обитателей подводного мира.

«Тронная зала наполнилась водными стихиями и хранителями. Они представляли собой гордость речного мира. Обликом похожие на людей, но напоминавшие речную фауну — миролюбивого рака, ловкого судака, прожорливую щуку, хитрую уклейку, спокойного снетка».

С интересом читаются страницы истории древнего Новгорода: «... на земле в это время шел шестнадцатый век. Новгород значительно изменился. Любовалась Ульяница храмами Софийской и Торговой стороны, особенно восхищал ее собор Святой Софии, мощные стены которого свидетельствовали о прочности христианской веры...».

Надо отметить, что «Ульяница и мир людской» — произведение многослойное. Здесь происходит слияние трех разноплановых сюжетных направлений, которые успешно закольцованы на основной линии — главной героини. Данный прием в литературе известен со времен выхода известного произведения М. Булгакова «Мастер и Маргарита» — роман в романе.

«Все мы немножко ведьмы» — трудный поиск героини Анны своего предназначения в жизни. Но способность помогать людям, облегчать их боль и страдания, дается ей страшной ценой. Погибает единственный горячо любимый сын Митя, убивают мужа. Одиночество и безысходная тоска окружают главную героиню. «Тяжело пережить похороны. А дважды подряд?... Ничего невозможно вернуть, ничего невозможно повторить! Плачет Анна, пьет водку, глушит душевную боль...».

Спасает ее от падения в бездну родная тетка Таисия, славившаяся на всю округу своими способностями исцелять людей. Народ, как это частенько бывает, не понимая странных способностей других людей, от своего невежества обижает таких людей. Вот и Таисию в деревне нарекали не иначе как — ведьма.

Автор достоверно описывает быт и нравы деревни, природу, повадки животных.

Еще Анна становится участницей бандитского нападения, и что странно: Ирина Кедрова, любя людей, даже бандитов сумела сделать привлекательными, объяснив их жестокость жестокостью общества и власти, не способных обеспечить достойное существование населения нашей страны.

Можно и дальше рассуждать о достоинствах этой книги, но лучше будет, если читатель сам прочитает и по достоинству оценит труд автора.

В заключение хочется привести еще одну цитату из книги Ирины Кедровой, которая, на мой взгляд, объединяет все три повести в единое целое и которая лейтмотивом звучит во всех строках — любовь к человечеству и к вере:

«...христианство учит людей любви и миру. Только люди по-разному понимают служение Богу: среди христиан есть терпеливые и добрые, однако есть и такие, с которыми столкнула ее жизнь. Им кажется, что только мечом и огнем можно внушить

человеку великое чувство любви к Богу. Глупцы, им недоступна любовь ни к Богу, ни к человеку...».

Ирина Леонова, Член Союза писателей России (г. Москва)

БУТЕРБРОД С САРДЕЛЬКОЙ, ИЛИ О ЧЕМ «СКРЕБЕТ ПЕРО» ЛЕОНИДА АДРИАНОВА?

Сейчас стихи пишут или пытаются писать (как, впрочем, и всегда) многие. Еще большее число людей слагает рифмы, в душе надеясь, что это стихи.

Попалась на глаза вышедшая в 2009 г. в издательстве «Папирус» в Туле книга Леонида Адрианова «Я за все благодарен судьбе». Предвещает начало сборника стихов информация о том, что «Это двадцать пятая книга маститого тульского поэта, которой он, вроде бы как, завершает свое творчество, но явно лжет и читателю и самому себе».

Одно из первых стихотворений сборника «Июльский день. Жара. Безделье» (стр. 10) начинается так:

*«Июльский день.
Жара.
Безделье.
На берегу роскошного пруда.
Бутылка пива.
Бутерброд с сарделькой.
Никто.
Ничто.
Ничем
и никуда...»*

Непонятно, какую смысловую нагрузку несет, особенно последняя строчка. Что имеется в виду под «...Никто. Ничто. Ничем и никуда»? В чем это никто, ничто и так далее вообще выражается и главное — зачем и о чем? Видимо о сардельке и бутылке пива, которые в желудке автора быстро превратились в никто, ничто, ничем и никуда.

Завершающий фрагмент этого «стихотворения» звучит так:

*«...За водной гладью холит колос поле...
Душа нудит еще глоток хлебнуть
И, рассекая волны ярым кролем,
Доплыв до середины, утонуть...»*

Плохо и непоэтично, когда «душа нудит». Вот когда нудит надоевшая жена — это понятно. Но душа — это все-таки божественная субстанция. Непонятно и что такое «ярый кроль». Яростный что-ли? Или какой-то иной?

В общем, у меня после прочтения данного стихотворения, возникло ощущение, что ознакомился с запиской сумасшедшего алкоголика, готовящегося от безделья к суициду. Нужно ли тратить на это поэтические строки, да еще такие неумелые и ко-р-вя-ые?

В следующем стихотворении сборника «Пришли последние мгновенья» (стр. 11) читаем:

*«...Мое уходит поколение
Из мира горя и тревог,*

*Из мира ссор, проклятий, скуки,
Где лжи и злобы чересчур,
Где хищно тянутся к нам руки
Зловещих восковых фигур»*

Получается, что в жизни Леонида Адрианова ничего хорошего не было, один сплошной негатив. Не повезло человеку с судьбой, хотя каждый сам творец своего счастья.

В следующем «стихотворении» на той же 11 странице много неточностей. Например, «...так наша жизнь самозабвенна...», «...то человеку заповедно...» «Жизнь самозабвенна» — это в каком смысле — непонятно! Может, автор хотел сказать, что жизнь скоротечна? И что такое «...человеку заповедно...»? Адрианов хотел сказать, что присуще или неприсущее человеку? Но почему не сказал точно? Наверно, тогда пришлось бы попотеть над рифмой, потрудиться... А здесь все просто, не важно, что банально: «...заповедно... бесследно...»

В стихотворении «Восьмое марта сеет легкий снег» (стр. 12) одной строчкой автор перечеркивает все нагромождение рифм: «...Измен друг другу любящих супругов...» Если люди любят — друг другу они не изменяют. Это противоречивая ложь, которая режет слух нелицемеру.

В стихотворении «Меня зовут лицеи, вузы, школы» (стр. 14) сквозит неискреннее, презрительное отношение к читателям: «...Народ сидит какой-то невеселый. Ехидно ждет, что им отмочишь ты...» Стоит ли с этими замочками от поэзии выступать перед читателями, даже, если хочешь «...разбить, разрушить серости застой!» А такая ли серая «их» жизнь?! Не по Фрейду ли здесь Адрианов проговорился о своем бытии?

«Стихотворение» «Мы часто ходим в гости» (стр. 16) посвящено, если его осмыслить, как предлагает в начале книги читателю автор, приспособленцам, которые ходят в гости в поисках выгодных знакомств, а потом сожалеют о впустую потраченном времени, деньгах. Так нужно ли таким приспособленцам, а не цельным натурам, посвящать графоманскую зарисовку?

Прочитав стихотворение «Что помню я? Немецкие трофеи» (стр. 17) поймал себя на мысли, что лучше уж ничего не писать о войне, чем так сграфоманить!

На мой взгляд, не пристойно говорить о Родине так, как Леонид Адрианов позволяет себе в стихотворении «Страна отцов, ты измельчала...» (стр. 19):

*«Страна отцов, ты измельчала —
Лелеешь женское начало...
Слаба, угодлива, дурна,
Плодишь понятия зон сибирских,
Смиренье храмов монастырских...»*

Нужно ли вот так — «по-казюковски» хаять нашу Родину, ставить рядом несовместимые воровские понятия и «смиренье храмов монастырских»?

Не ясна логика и в стихотворении (стр. 20):

*«Вдоль улицы распутица.
В снегах стоят дома.
Но пьет из лужи курица.
И, стало быть, весна...»*

По логике автора получается, что в другое время года, кроме весны, куры из луж воду не пьют? А как же они обходятся без воды летом, осенью и зимой? Все сдыхают что ли? Неожиданный признак весны описал автор! Ладно, что не подметил прямой связи этого поэтического времени года с исправлением других физиологических потребностей кур, собачек, коров...

Как тут не соглашаться с самокритичной справедливой мыслью Леонида Адрианова, высказанной в следующем его поэтическом опусе (стр. 24):

*«... Кой прок в стихах?
Народ их не востребует —
...Пороков нет, так — стихоплеты шалые.
Что ль я таков?
Увы, о том не ведаю
Где критики?
Зоилы пусть бы каркали.
...Свидетель Бог, до тех пор мне и дышится,
Пока стихи зачем-то получают»*

Действительно, в таких «стихах» прока никакого нет. Так, сплошное бумагома- рание... Если бы автор еще где-нибудь сносочкой пояснил смысл термина «Зоилы». Простому читателю не понять, что это такое...

Впрочем, жажда изобретательства новых словечек у Адрианова в крови, особен- но, когда возникают проблемы с рифмованием. Чего себя утруждать, напрягаться в этом направлении? Взял, да и изобрел новое словечко для рифмы, как, например, в стихотворении «Живу теперь в простой реальной нови» (стр. 29 сборника):

*«...Темп чувств упал, потребности увяли.
Итог старенья — до смерти болезнь.
Но мыслит мозг и рифмы не пропали,
И в плен унынью не сдаюсь доднесь»*

«Доднесь» — не правда ли звучит «оригинально» это непонятное словечко, но не понятно, что оно означает? И такие «новорезы» часты в стихотворениях Леонида Адрианова. Хотя, справедливости ради, несмотря на полное бездушие его «поэзии», отсутствие мастерства и таланта, нельзя не отметить его справедливую самокритич- ность, мелькающую в отдельных строках, как в стихотворении «Я не знаком с поэта- ми большими»:

*«...Мой дар небес довольно невелик.
...Но не рождалась светлая поэма.
...Доволен тем, что наскребло перо...»*

Один вопрос к автору после прочтения его новой книги: а будет ли читатель до- волен тем, что наскребло Ваше небрежно и плохо пишущее перо? Да, и вообще — не надо лгать читателю и самому себе, тем более, если речь идет о поэзии, а не графо- манстве.

Владимир Сапожников (г. Тула)

О КНИГЕ ГАЛИНЫ ВИНОКУРОВОЙ «СЕРГЕЙ БЕСЕДИН»*

Книга Галины Винокуровой «Сергей Беседин», вышедшая в Библиотеке журна- ла «Приокские зори», издана в авторской редакции. Это значит: нет у книги ни кор- ректора, ни редактора, ни художника, и успешность ее, как и привлекательность, за- висит только от автора.

* Галина Винокурова. Сергей Беседин. Тула: Библиотека журнала «Приокские зори», 2009.

Несомненно, автор — человек творческий, охваченный процессом стихосложения, остро чувствующий события и явления, происходящие в нашей стране.

В основе стихотворного романа Галины Винокуровой явно прочитываются несколько линий. Первая — опора на поэтическое творчество А. Пушкина. Здесь дело не только в том, что автор задумал показать, как сегодня читаются строки классика отечественной литературы, известные каждому русскому человеку со школьных лет. Выбран герой — легко чувствующий, критически мыслящий, вписывающийся в окружающую жизнь и в то же время ею не слишком довольный. Потому

*Сергей боролся с мраком жизни,
Писал статьи на злобу дня... (с. 97)*

Вторая линия — герой романа. Он — наш современник, молодой человек, оказавшийся задействованным в те же общественные процессы, которые захватили и нас. Такой герой дает возможность Галины Винокуровой показать, что происходит в стране, в обществе, и как она лично к происходящему относится.

*Жизнь яркая...
И без прикрас...
Жизнь манит нас... (с. 89)*

В этом показе в нескольких словах отражается глубокое переживание за все, что творится вокруг: «Теперь не то, совсем не то...» (с. 11); «государство все беднеет» (с. 21); «Реклама ныне в моде вся (с. 22); и т. д. Однако поэт не был бы многогранным, если бы наряду с негативными явлениями жизни не видел того яркого, интересного, чем полнится жизнь человека в любые времена: «Прекрасен день» (с. 48); «И ждет родной очаг» (с. 50); «Вечным счастьем дышит лето» (с. 50), «Романтики неистребимый дух» (с. 52). Солнечность жизни сквозит со строк романа, надо только угледеть и не зажмурить в испуге или в равнодушии глаза.

Несомненно, жителю Москвы радостью отзовутся строки о родном городе:

*Москва,
Ты сердцу дорога.
Где б ни была,
Душой стремлюсь к тебе... (с. 31).*

Словом, хочется улыбнуться при чтении и пожелать автору новых творческих сил.

Вместе с тем, любой из нас, людей пишущих, должен понимать, что сложить несколько слов в прозаическую или поэтическую строку не так-то просто. Нужна тщательная, кропотливая и неустанная работа над словом. И коль мы беремся выпускать книгу без редактора и корректора, значит, редакторскую и корректорскую работу надо выполнять самому. Это замечание касается многих авторов современных изданий, будь то книга, глава романа в журнале, стихотворная подборка или критическая заметка.

На недостатки обсуждаемой нами книги, наиболее часто встречающиеся и в других опубликованных произведениях, мне хотелось бы обратить внимание, да простит меня автор, на примере его творчества. Впрочем, эти слова не только к Галине Винокуровой или к любому другому поэту, доверившему свое литературное дитя читателю. Эти слова отношу и к себе. Размышляя над чужой строкой, приобретаю свой писательский опыт.

Прежде всего, о связи нашего автора с творческим наследием А. Пушкина. Вкрапление отдельной строки великого поэта в современный текст свидетельствует о направлении мышления и переживаний автора, позволившего повторить то, что известно многим. Это также свидетельствует о том, что автор находится под сильным впечатлением от великого творения.

Когда же происходит непрерывное цитирование, причем не отмеченное формой цитаты, то возникает вопрос о присвоении чужого труда и о бедности творческой основы поэта, позволяющего такое действие.

Труд Пушкина сложно присвоить, многим читателям он широко известен. И потому особенно важно быть предельно чувствительным к его поэтическому творчеству и предельно честным к своему сочинительству.

Поэтические строки отличаются от прозаического текста, прежде всего, рифмой и ритмом. Если они есть, возникает напевность, лирическое восприятие. Допустимо ли отходить от ритма или терять рифму? Думаю, допустимо. В том случае, когда отсутствие этих поэтических столпов указывает читателю на что-то важное, особенное. Это своеобразный прием стихотворчества. Если же это происходит постоянно, и никак не может быть объяснимо, то возникает вопрос о мастерстве поэта. К сожалению, в поэме «Сергей Беседин» сбившийся ритм и нерифмованные строки не являются проявлением яркого выражения мысли.

Нередко встречаются, очевидно любимые Галиной Винокуровой, слова «всё» и «все». Как не хватает слога для ритма, так появляются эти маленькие, в ином случае нужные, словечки: «Жизнь все страшнее беспредела» (с. 7); «Читатель прав, всегда все правы вы...» (с. 9); «Считая, что за все мы вместе все в ответе» (с. 45). Создается впечатление, что автор никак не может найти подходящее слово и заменяет его таким простым, и неоправданным, способом.

Встречаются неудачные фразы, страдающие непродуманным порядком слов в предложении или включением ненужных в данном контексте слов. Например: «Как будто в плену ты у спрута» (с. 8); «Тебя люблю и счастлив в мире я!» (с. 42). Между тем, порядок слов в предложении, как и отбор того или иного слова, показывает, что же хочет сказать автор, что здесь главное, а что второстепенное.

Думается, Б. Окуджава мало бы радовался, если бы услышал, что от его песен млеют: «От Окуджавы просто млея» (с. 20). И вряд ли можно томить читателя «кратким предисловьем» (с. 9).

Конечно, надо отметить, что роман в стихах «Сергей Беседин» родился и получил публичную форму в виде небольшой симпатичной книжки. Конечно, подкупает лиричность Галины Винокуровой, ее умение видеть происходящее в нашей жизни и стремление выразить увиденное в стихотворной строке.

Пожелав автору от всего сердца смелого продвижения по тернистому поэтическому пути, выскажем также надежду, что на этом пути Галина Винокурова преодолеет такое препятствие как необработанность стиха и нечеткость сюжета. Будем ждать ее новых стихов, в которых проявится особенное, только ей присущее, очарование поэтической строки.

...А над «Сергеем Бесединым», оставив его римейком «Евгения Онегина» (это известный литературный прием), автору желательно очень серьезно поработать и дать вторым изданием.

Ирина Курочкина, член Союза писателей России (г. Москва)

ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА ПОЭТА

Имя детского врача Сапожникова Владимира Григорьевича хорошо известно в тульской педиатрии. Высокий профессионализм и любовь к детям снискали ему заслуженный авторитет среди коллег и родителей маленьких пациентов. Однако заведующий кафедрой педиатрии Тульского государственного университета, доктор ме-

дицинских наук, профессор Сапожников еще и член Союза писателей России, автор многих книг поэзии и прозы, лауреат нескольких литературных премий, в том числе областной премии имени Л. Н. Толстого.

Сочетать профессии врача и писателя, следовать по стопам великих предшественников Чехова, Вересаева, Булгакова, да еще в наши дни, непросто. Но как ни удивительно, Сапожникову это удастся. Талант, трудолюбие, характер, широта души, честность и порядочность счастливо сочетаются в нем, еще достаточно молодом человеке. Одно общение с ним уже бодрит и лечит. Завидная человеческая натура сказывается в его разностороннем творчестве. Его поэзия и проза дополняют друг друга, как и его лечебная практика.

А как врач, преподаватель, писатель, он заявил о себе, участвуя в строительстве БАМа (Новая Чара), как и позже, когда возглавлял бригаду белорусских медиков в составе десанта Детского фонда в городе Ош (Киргизия).

Но первые публикации его творчества были много раньше, задолго до этого, еще в школьные годы. В студенческие годы стал лауреатом Смоленского литературного конкурса «Пою мое Отечество».

И вот перед нами его новая книга стихов. Сборник «Избранная лирика»* только что вышел в тульском издательстве «Полиграфинвест». В нем новые и уже известные, ранее опубликованные произведения автора. Лирика поэта, что делает ей честь, исходит из русской классики. Она следует ей в главном. Она личностна, искренна и чиста. А еще в лирике Сапожникова явно сказывается смоленская поэтическая школа (Твардовский, Исаковский, Рыленков, Смирнов). Поэт ценит литературное слово, не разбрасывается ими, старается ставить их на свое место. Избегает газетного стиля, новомодных решений, языковых вывертов. Даже рифма для него — не главное. Главное: соединить в стихотворении свое личное с общим, не выделиться, а вписаться, найти собственный вариант диалога с читателем.

*В голове свистопляска,
На душе дребедень...
Жизнь — как грустная сказка,
Где мы — прошлого тень.
Где теперь бесшабашные,
Озорные юнцы,
Те, что были отважные
И за правду бойцы?
Извернулись, изгадились,
Превратились в дерьмо.
А как девушкам нравились...
Это было давно.*

Вот это, казалось бы, совсем не к месту «а как девушкам нравились» — бьющая в упор неожиданная строка делает набор слов, словотворение — стихотворением. Да еще каким! От этой поэтической занозы читателю из поколения Сапожникова уже не избавиться, придется вытаскивать ее, мучась собственным укорами совести, молчащими до поры до времени. Стихотворение поэта заставит его очнуться, спросить себя: все ли ладно в твоей жизни? Ту ли дорогу выбрал?

Да, по нынешним меркам Сапожников еще молод, но не снимает с себя гражданской ответственности за наше нынешнее духовное недомогание, наше неустройство, уныние, безразличие ко всему.

* См. библиографию в «ПЗ» № 4, 2009; книга вышла в серии «Библиотека журнала «Приокские зори».

*Кто я? Русский! Во мне нет другого!
Я — комочек родимой земли,
И родили меня вот такого.
Уж такой я — хули, не хули!..*

Разумеется, в лирике поэта присутствуют все отличительные составляющие ее... Легко прочитываются, узнаются мотивы философские, гражданские, любовные. Поэтому сборник «Избранная лирика» вышел цельным, насыщенным, может быть, лучшим из написанного и опубликованного Сапожниковым.

Конечно, в сборнике, как у любого из нас, можно найти какие-то погрешности, неточности, но не они определяют его значимость, его суть.

Не могу для себя объяснить загадочность странного стихотворения «Настроение»:

*Вновь пробуждение души...
Скажите, что это такое?
И небо — звездное, немое —
Уперлось взглядом — не дыши!
Деревья гнутые стоят,
Мелькнет снежинка на мгновенье,
И распростерлась лунной тенью
Моя душа, как зимний сад.
Она ветвится по земле,
То — коротка, то — быстротечна,
То — так длинна и бесконечна,
Как память прошлого во мне.
Она неслышна, словно звук.
Всех чувств, нахлынувших нежданно...
И ночь обманчива, желанна,
Как продолженье нежных рук.*

О чем это стихотворение? Почему оно так тревожит душу? Почему не отпускает меня? В рассуждении о новом сборнике поэта прихожу к убеждению, что поэт в нем сделал значительный рывок в своем поэтическом мастерстве. И не могу отказать себе в удовольствии вновь отметить стихотворение автора «Моя сибирская жена». Такие стихи о подругах-женах редки среди поэтов, обделенных семейным счастьем. Уверен, что и читатель по достоинству оценит его, как и другие из любовного цикла Сапожникова.

Знаменательно, что стихотворение о Гагарине, с которым мальчик Володя Сапожников встречался, положил на музыку тульский маэстро Фоменко. Верю, что это лишь начало содружества известного поэта и не менее известного композитора. Лирическое наполнение стихов поэта тому вполне соответствует.

Поздравляю коллегу с выходом его новой книги. Читатель найдет в ней ответы на многие свои вопросы, многое тронет его душу, останется в памяти...

Виктор Пахомов (г. Тула)

Геннадий Мирошниченко
(г. Щекино)

**ГАРМОНИЯ ИРОНИИ В РОМАНЕ
АЛЕКСЕЯ ЯШИНА
«ЛЮБОВЬ НОВОЮРСКОГО ПЕРИОДА»**

*Геннадий Мирошниченко (Геннадий Мир) – поэт, прозаик, учёный, автор 30 книг. Предложил объединительное для всех видов человеческой деятельности знание на основе открытия всеобщей критериальности Природы и ввёл новую, критериальную форму сознания. Его поэма «Начало» в 1978 году в поэтическом конкурсе Центрального телевидения СССР и заняла первое место. Некоторые песни, написанные им и другими композиторами на его стихи стали лауреатами музыкальных фестивалей и конкурсов.**

Философия

Критик, приступающий к анализу произведения, обязан быть честным и серьезным. Иначе, его не воспримут как критика. Еще он обязан вписать произведение, которое рецензирует, в общую канву литературы как формы общественного сознания. Последнее является обязательным, ибо речь по воле автора произведения, в данном случае, Александра Яшина, идет о философском романе «Любовь новоюрского периода», изданном в Москве в 2009 году в издательстве «Московский Парнас», 712 страниц.

Рецензент, однако, прежде чем приступить к формулировке своих мыслей по поводу философского романа, должен составить свое особое философское мнение о жизни и ее принципах, чтобы, в свою очередь, быть интересным и с вершины своего понимания жизни произнести что-то дельное. Конечно, при анализе романа Яшина можно остановиться на его литературных достоинствах и литературных промахах, можно принять точку зрения Екклесиаста и, сославшись на его знаменитое «все — затеи ветряные», еще раз пропустить нашу жизнь через всем надоевшую мясорубку бестолковости и бессмысленности мира.

Рецензент, однако, будет исходить из совсем других критериев, смысл которых он постарается объяснить по ходу своего повествования. А в конце рецензии он постарается по-своему расставить точки над *i*, чего бы ему это ни стоило.

Итак, мы уже, кажется, достаточно подготовили читателя рецензии к впитыванию смысловой информации, которую породит уже не автор романа, а автор критического отзыва. И начнем, пожалуй, с юмора. И первое, что приходит из вопросов на ум, это «Почему роман имеет подзаголовок философского, но не философски-юмористического?» Бестолковость жизни, о которой пишет автор,— это обычное топтание на месте, отсутствие понимания нового. Перспектива быть потерявшимся на этой грешной Земле — не из приятных. Чем закончится эта рецензия, читатель узнает, если осилит прочитать ее до конца.

О смысле жизни

* См. также на сайте Геннадия Мирошниченко, портал <http://genmir.ru>

Что такое гармония в литературе? Касательное, объединенное единой идеей называние разнородных виртуальных объектов, выраженных словами, на единый авторский стержень воображения в их отношениях. Кажется, роман, который я теперь постоянно держу у себя на столе, полностью отвечает этому определению. Иногда я беру его в руки, открываю наугад на любой странице и, забывая все, читаю какой-нибудь отрывок из текста. Признаюсь честно, он мне понравился, несмотря на свою ужасающую некоторых читателей толщину.

Философский роман тульского прозаика Алексея Яшина называется «Любовь новоюрского периода». Чтобы стало ясно, как автор-критик понимает слово «новоюрский», приведем цитату из Интернета, с которой можно согласиться почти во всем:

«Юрский период кончился вымиранием динозавров. Там виноват климат-космический катаклизм. Новоюрский закончится также печально, но вместе с динозаврами вымрет большая часть разумной биосферы, но причина заключается в том, что сами динозавры из жадности разрушили среду своего обитания. Вот и разрешается вопрос: РАЗУМЕН ЛИ ЧЕЛОВЕК МЫСЛЯЩИЙ? Если бы он был мыслящий!? Скорее ненасытный и недалевидный. После нас хоть потоп,— так рассуждали многие, сжирая все на своем пути к абсолютному обществу потребления и... потоп наступает еще при их жизни. После них уже потоп страшен не будет. Некого будет топить. С ПОТОПОМ Вас, дорогие потребители!».

(<http://www.newsland.ru/News/Detail/id/325700/cat/10/> комментарий от 19.12.08)

Кажется, не столько об истоках и причинах возникновения новоюрского периода нам следует говорить, сколько о том, как это стало возможным понять и изобразить писателю, чтобы удивить нас. Ведь роман философский. А, значит, автор, претендуя на высокую литературу, одновременно вбрасывая в наше сознание мысль о жизненных смыслах, хитро наблюдая за тем, как мы воспримем его длинное, романное, повествование о жизненных злоключениях его героев.

И в то же самое время философский базис никак не может обойтись без анализа этических основ, которые были нарушены людьми, вольно или невольно оказавшимися в новоюрский период в описываемом автором месте действия романа. Автор, в отличие от великих русских поэтов-трагиков, слишком всерьез воспринимающих жизнь и потому часто кончавших самоубийством, на высокой ноте иронии и сарказма выстраивает свои отношения с героями романа. Смысл жизни их не замыкается на единственном элементе из всей партитуры ценностей и не обрывается вдруг на взлете их романтизма. Наоборот, смысл их жизни может менять центр своего притяжения, и тогда для самосохранения герою становится необходим небесный помощник. И таким помощником для них, как становится ясным из повествования, является автор. Часто одним лишь ироническим замечанием он отрезвляет и своего героя, и нас с вами, когда вдруг земля уходит у нас из-под ног, а сознание отказывается дать трезвую оценку происходящему.

Примеров сказанному можно найти чуть ли ни на каждой странице, иногда подобное выливается в отвлеченные авторские размышления, увлекающие нас в иной мир фантастического представления действительности.

О счастье Эпикура

«Жизнь — вот главное наслаждение», — сказал Эпикур.

Автор нашего романа как настоящий эпикуреец заставляет страницы романа служить вполне конкретным нуждам: он ищет способ избавления человека от страданий, которые снизошли на него вследствие грехов всего человечества. Но делает это по-своему, своеобразно, заставляя нас сопереживать с его героями, быть в их шкуре.

В отличие от пессимизма классического буддизма, проповедующего полный от-

каз от желаний, Эпикур предложил миру людей ограничиться теми потребностями, неудовлетворение которых ведет к страданию. От остальных желаний следует отказаться — так проявились в этой философии мудрость и благоразумие. Такой подход напоминает нам теоремы с доказательствами «от противного»: снять противоречие страсти проще всего ее удовлетворением. И хотя так и до наркомании недалеко, мы все равно сочувствуем героям романа, оказавшимся, как Буриданов осел, между двумя охапками сена в раздумье о том, к какой же из них двинуться, чтобы утолить свой голод. Подобное философствование часто заводит наших героев сразу в оба тупика. Автор, чтобы читатель от нерешительности и отсутствия выбора конкретной охапки сена не умер и не отбросил роман в сторону, уверяет нас в наличии некоего третьего варианта существования: в несерьезности всего происходящего вокруг нас и внутри нашего сознания. Наша тщета о вечном существовании позволяет автору всю насмехаться над нашими переживаниями, которые, по его мнению, стоят не более одного анекдота.

Главный интерес для автора как эпикурейца, несмотря на вербальный и быстро убаюкивающий нас характер произведения, представляет чувственный мир как глобальное полотно художника. И как Эпикур, автор уравнивает свое счастье удовольствием окружающего мира, его внутренним благородным спокойствием, в котором его герои понимают и принимают основной этический принцип — при безграничных желаниях человека средства их удовлетворения все-таки сильно ограничены. Отсюда мягкий трагизм ситуаций и легкая нотка пессимизма, когда становится понятно, что достичь желаемого в одной жизни невозможно.

Читая роман, мы видим, мы чувствуем счастливого автора, пребывающего в таком состоянии не от своего «бесконечного сочинительства», а от наслаждения из-за общения его со своими героями, философами жизни по-своему. Ведь философским этот роман стал не столько от подзаголовка, удивившего многих и даже отпугнувшего некоторых читателей от него, сколько от искрящегося интеллекта автора и его героев, делающих попытки проникнуть и в запретное, и в мистическое наряду с трагизмом непонимания таких, казалось бы, простых истин, о которых мало кто за пределами их круга задумывается.

Истинный философ жизни — это человек, во многом оправдывающий проступки других людей и сурово казнящий себя за те же самые проступки, но внушающий веру в призрак счастья у других людей. Все-таки сквозь смех автора над самим собой и над другими, мы замечаем у него и у его героев и слезы какой-то небесной печали, какой-то неясной тенью или прозрачной занавеской отделяющей нас от понимания полного счастья.

О свойствах сознания в литературе

Думаю, что я не открою Америку, если скажу, что меня удивило в стиле Алексея Яшина: пребывание автора как художника в нескольких параллельных мирах одновременно. Именно жизненное пребывание очевидца и действующего героя, а не присутствие в качестве стороннего наблюдателя. Автор подкрашивает своих героев до некоторого стереотипа, выбранного им самим, своей особенной словесной кистью и мягкой модальностью самой ситуации. Отсюда и яркая, пастельная гамма его красок как художника, несущего необычное отличительное качество своего таланта.

Богатейшее предикативное (описательное) мышление автора позволяет не только заиграть роману яркими красками дивной гаммы инструментов из бесчисленного оркестра мастера, но, главное, постоянно подводит нашу мысль под ощущение новизны его взгляда с высоты, доступной одному автору. А нам лишь впору удивиться таким богатством содержания.

Мы, читатели, могли быть убаюканными медитативными, небывалой красоты,

картинами и образами его культуры, если бы не нотки беспокойства о судьбе обычного человека, профессионала, попавшего в капкан мирового и российского кризиса и незнающего, как из него выйти.

Нынче модно стало говорить об измененных состояниях сознания, о коллективном сознании, о гипнозе. У автора романа мы много находим мест, когда переживаемое его героями воспринимается нами как внушение, благодаря чему внушенные мысли полностью отрывают нас от примитива собственного реального состояния психики. Мы начинаем не просто сочувствовать героям романа, мы становимся ими самими, погружаясь в их оценки ситуаций и мыслей.

Талант писателя, по убеждению пишущего эту рецензию, и состоит в том, чтобы преобразовать сознание читателя в направлении внушения автора. Однако часто писатели добиваются положительной реакции читателя тем, что показывают всю глубину негативного погружения своего героя в точное описание какого-нибудь разрушающего действия. А. Яшин не идет по этому пути. Нарисованные им картины отрицательного свойства мира пронизаны яркими ироническими нитями тонкого внутреннего анализа. Отсюда и глубина философского осмысления читателем, происходящая даже независимо от его воли.

Конечно, литература гипнотизирует нас своими оценками. Доброта, которая излучается со страниц рассматриваемого романа, — это главная оценка труда и таланта его автора.

Об оценках

Любое произведение, а тем более литературное художественное, несет в себе отражение оценок автора о тех событиях и героях, о которых он повествует. Интересно коснуться этого вопроса в отношении рассматриваемого нами романа. Ведь в оценках проявляется не только этическая вершина автора, но и более широкое поле критериев современного человека, задержанного постоянными критическими ситуациями жизни и в быту, и на службе.

Ирония автора романа над происходящим — это, пожалуй, главная модуляция книги как части нашего живого сознания. Иронией пропитаны все страницы произведения, все его предложения, весь инструментарий конструктора. Почему вдруг автор выбрал такой метод повествования в отличие от многих других методов и способов изложения литературного материала? Ведь история знает множество примеров, когда авторы произведения буквально были зачарованы, загипнотизированы событиями, о которых они писали, и становились рабами литературного процесса, вплоть до самоубийств, когда причиной их оказывалась малая доля совпадения их внутренней логики с логикой развития реальных событий.

Вспомним хотя бы гения Льва Николаевича Толстого в тот период его жизни, когда он, осознав вдруг через смерть своего младшего сына Ванечки нравственную высоту сознания человека, внезапно до полного омерзения понял смысл своих, уже признанных великими, произведений о глубине падения души человека. Он понял, что ему срочно надо что-то делать с собой такое, что позволило бы ему остаться наедине с Богом, быть прощенным Им за свой литературный грех. Такие состояния толкают людей на крайности, и Л. Н. Толстой замечательно и гениально продемонстрировал нам лучший, может быть, выход из плена человеческого зла и человеческой ненависти, уйдя в высокое пространство человеческого духа.

В романе А. Яшина мы, наоборот не находим той отупляющей безысходности жизни, стремящейся к смерти, которая так характерна, к сожалению, в сегодняшнее время для многих литературных произведений.

Отторжение авторской фантазии от автора

Человечество уже давно поняло, что руками и мыслями людей создается некая большая суперсистема-организм, с некоторого времени начинающая жить по своим высшим законам, во многом противоречащим законам создавших ее людей. Таков организм государства, таков глобальный мир. И рано или поздно, но у многих людей начинается отторжение создания от создателя, такое, какое бывает при отторжении мозгом отдельных клеток или клеточных агрегатов человеческого организма. Мы знаем, что раковые образования во многом являются результатом таких изменений в сознании. Но и дела благородные, в которые автор вдохнул часть своей души, тоже подчинены этому закону.

Так и в романе Яшина о любви, где он недвусмысленно пытается убедить нас в необычном и прокричать о том, что наши дела, большинство их, разрешаются совсем не на земле. И делает он это мастерски, тонко и смело. И, главное, с юмором, который буквально заливает почти все страницы книги.

Множество людей боятся юмора сильнее смерти. Смех люди всегда приравнивали к самому сильному пси-оружию массового и индивидуального поражения. Некоторые считают юмор грехом, и потому даже избегают шутить. Им кажется, что юмор является результатом действия, когда человек что-то передергивает в своем повествовании, обманывает. Однако, настоящий юмор — это всегда игра на парадоксах, если под парадоксами понимать мирное взаимодействие двух крайностей. Ведь в нас те же самые крайности уживаются чисто парадоксальным способом: в одной ситуации необходимо поступить так-то, а в другой — противоположным образом. И не перепутай! Если же такая путаница случается, то в который раз достигается известный исторический итог, провозглашенный нашим бывшим гигантом-хозяйственником: «Хотели как лучше, а получилось как всегда».

В даосизме вышли из положения антагонизма крайностей довольно просто, провозгласив срединный путь: иди посредине между крайностями, и все будет хорошо. Но юмор в том и состоит, что так идти можно, лишь контролируя расстояние до крайностей и качество самих крайностей. Согласитесь, что это уж слишком для нашего человека, который не на шутку постоянно озабочен выбором варианта жизненного продолжения и, как правило, чаще всего ждет подсказки со стороны. И чаще всего это не выбор, кому служить — Богу или мамоне, — а соединение в себе двух противоположных типов человека, способного как на подвиг, так и подлость. Отсутствие в ком-то из нас главного критерия доброты часто приводит к ситуациям и даже, как показал Яшин, к жизни человека, у которого пустота его смыслов приобретает звенящий характер. А это, согласитесь, является хорошей приманкой для таких талантов литературы, как Алексей Яшин.

И в нашем обществе раздаются голоса о необходимости золотой середины в жизни, срединного пути, как у китайцев в Дао. Однако, Дао требует соблюдения уже известных требований этической чистоты, чтобы в своей серьезности не попасть в зону двойных стандартов. Раздвоенность нашего человека прекрасно и с большой любовью к нему описана в рецензируемом романе.

Как убеждает автор романа, у нас есть лишь один срединный путь — юмор. Мы не знаем крайностей жизни, но юмором мы моделируем их и переносим условия крайности, края, на нашу сегодняшнюю жизнь. И смотрим, к чему это приведет. И смеемся над собой. И не надо обижаться на автора за это — он прекрасно показал нам особый путь нашей жизни, в котором и кроется ее прекрасный смысл.

